

Неизвестное об известных

В тридцатые годы в Европе стали бесследно пропадать люди. В основном почему-то русские — эмигранты и невозвращенцы. Теперь мы знаем, что это была работа ИНО НКВД под руководством Павла Судоплатова и Михаила Шпигельгласа. На месте же одним из руководителей многих актов был друг Маяковского Наум Эйтингон. Людей выкрадывали, усыпляли и переправляли в Москву. Что здесь с ними делали — совсем другой разговор.

26 января 1930 года из Парижа таинственно исчез председатель Русского общевойскового собора (РОВС) генерал Кутепов. В сентябре 1937 года в Швейцарии нашли изрешеченный пулями труп советского разведчика Игнатия Рейса, который демонстративно отослал свой орден Красного Знамени в Москву и отказался вернуться в Союз. Исчезли министр финансов Югославии русский эмигрант Николай Сукачев, бывший адмирал и последний адъютант царя Николая II Евгений Жуковский. «Случайно» выпал из окна Федор Раскольников, чрезвычайный посол СССР во многих странах. Это примеры, сразу приходящие на ум.

Когда 22 сентября 1937 года в Париже исчез преемник Кутепова генерал Миллер, женатый, кстати, на внучке Натальи Гончаровой, а его ближайший сотрудник генерал Скоблин тоже «слинял», терпение у французов лопнуло. В Москве в это время один за другим шли процессы над «шпионами и диверсантами». Так чем французы были хуже? Они тоже организовали показательный процесс над единственным человеком, попавшимся им в руки, — над женой генерала Скоблина, известной певицей Надеждой Плевицкой, обвиненной в том, что она была агентом чекистов.

...В 1884 году в селе Винниково, что в певучей Курской губернии, родилась в крестьянской семье пятым ребенком девочка Дёжа. Фамилия у семьи была та же, что почти у всего села — Винниковы. С малых лет Дёжа слышала песни бабушки, матери-певуны, голосистых соседок. Отдали девочку в монастырь послушницей, где она провела два года, пела в церковном хоре тонким дискантом. Потом, через много лет, она напишет: «Я увидела, что в монастыре были такие же соблазны, как везде, что спастись здесь трудно, и опротивел мне монастырь». А тут, как на грех, под монастырскими стенами обосновался бродячий цирк. Дёже было 15 лет, душа девочки неосознанно стремилась к красоте. Она еще не знала, что в ней запрятана великолепная артистка, но, как говорится, нутром это чувствовала. И Дёжа Винницкая сбежала из монастыря с театром-балаганом Заикина.

Ее научили ходить по канату, она стала исполнять вовсе не церковные напевы, полностью

вошла в труппу. Но мать, приехав в город, где они гастролировали, пришла в ужас и немедленно забрала невинное дитя из вертепа греха. Дёжу отдали в «хорошую семью» в горничные, где к ней приставали хозяйские подростки... Она снова сбежала. Оказалась в Киеве в русском хоре Липкина. Пела с голоса, не зная ни одной ноты. И здесь же вышла замуж за танцо-

знаменитого балалаечника В. Андреева. В ее поклонниках числились Рахманинов, Илья Сац, Савва Мамонтов и известный театральный критик, редактор журнала «Театр и искусство» Кутель, писавший под псевдонимом «Гомо новус». Сергей Эйзенштейн писал, что пение Плевицкой было «одним из наиболее сильных эстетических впечатлений моей жизни».

В ее гибком и сочном меццо-сопрано было что-то подкупающее, какая-то интимная прелесть. Казалось, она поет только для тебя одного. Хотя Плевицкая была попросту некрасивой: большой рот, широкие скулы, вывернутые ноздри, хотя на нее легко было рисовать карикатуры, что и делали многие, но когда она начинала петь и молниями бли-

стали ее черные глаза и развевались густые воронова крыла волосы, все забывали о чертах ее лица и видели только замечательную артистку. Даже Николай II расчувствовался от ее пения и присововетовал отечески: «Не надо вам ученья, оставайтесь такой, какая вы есть».

Плевицкая снялась в нескольких фильмах. «Власть тьмы» и «Крик жизни», например, снимали на натуре в ее родном Винникове. Она разбогатела. Купила в своем селе заповедный Мароскин лес и построила там богатый дом, куда приезжала на отдых.

С началом германской войны, когда в первые месяцы страна была в патриотическом угаре, Плевицкая стала выходить на сцену в цветастом деревенском костюме. Она пела «Варяга», «Раскинулось море широко...», обрядовые деревенские песни. «Народ меня понимает. Я ему близка», — писала она. Плевицкая часто выступала перед солдатами и матросами на кораблях. Потом стала сестрой милосердия в госпитале под Ковно. Тут она второй раз вышла замуж за молодого прапорщика Левицкого, сына генерала.

В 1919 году под Фатежем Левицкий командовал взводом Красной Армии. Конная разведка белых ворвалась в село и захватила их в плен. Могли тут же расстрелять, но узнав Плевицкую, не тронули и отправили в тыл. Так она снова оказалась в Одессе, где, конечно, пела уже для белых. Она принимала любые предложения. Много пела вместе с поэтессой Изой Кремер. Захваченная волной отступающих добровольцев, Плевицкая с мужем эвакуировалась из Одессы в Турцию. Здесь Левицкий бросил ее и сбежал в Румынию. А женщина пошла по кругам эмигрантского ада. Выручила ее знакомство с генералом Скоблиным, который привез ее в Галлиполи, лагерь для эмигрантов.

Потом она вышла замуж за Скоблина и очутилась вместе с ним в Париже.

Российская эмиграция очень скоро разделилась на два лагеря: ярые монархисты и «сменовеховцы», которые хотели служить России. Родилось «Евразийское движение». Одним из лидеров его был Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой. Он стал организатором Евразийского клуба и газеты «Евразия». Профессионалы НКВД сразу усекли, какую пользу можно поиметь от этого движения. Они установили контакты с «евразийцами», посулили им почетное возвращение на родину, а исполняли для выполнения самых грязных дел, подставляя их вместо себя полиции, прикрываясь жизнями и честью этих безумно доверчивых людей. Все, что произошло потом, было обманом безграничного доверия ко всему, из России исходящему. Парижская пресса с подачи «агентов влияния», как нынче говорят,

объявила евразийцев преступниками. Получилось великолепно: настоящие, надежные агенты могли спокойно работать, а ненадежные с сомнительным к тому же прошлым выброшены на свалку. Людские жизни и судьбы никогда не волновали руководителей НКВД.

Сергею Эфрону, который участвовал в похищении как Кутепова, так и Миллера, все же милостиво разрешили вернуться на родину. Но только для того, чтобы обвинить его в создании «белогвардейской» организации «Евразия» и расстрелять. А на его жене Марине Цветаевой — может быть, лучшей русской поэтессе — навсегда осталась печать агента ГПУ. До сих пор, перемешивая слухи и домыслы, некоторые наши и зарубежные авторы мажут грязью ее имя. «Знала — не знала» — нет для них вопросов. Они убеждены — знала и сама была агентом. Но ведь никогда не было суда, вина ее никем и никогда не доказана. Как же поднимается рука у обвинителей?

То же самое произошло с Надеждой Плевицкой. Иные авторы, ссылаясь на не слишком добросовестные источники, повторяют легенду, что, якобы, Плевицкую и Левицкого завербовал и забросил в тыл белых лично Дзержинский, что она все время работала на Москву и даже в деле похищения генерала Миллера играла первую скрипку. Может быть, потому, что она была старше Скоблина на 12 дней? И, хотя на процессе Плевицкая ни разу не признала свою вину, В. Гридин считает возможным писать, что, якобы, перед смертью она исповедалась в тюрьме священнику и призналась, «что вместе с мужем долгое время помогала «советской разведке». Интересно, Гридин сам при этом присутствовал? Думается, зарубежные священники вряд ли нарушали тайну исповеди, что неоднократно делали их коллеги в Советской России.

Генерал Скоблин действительно был давно завербован чекистами. Правда, он, похоже, играл с ними в кошки-мышки, выполняя лишь те задания, какие считал нужными. Есть сведения, что Скоблин работал одновременно на немецкую и бельгийскую разведки. И умело лавировал между всеми своими «хозяевами». Например, он ловко скомпрометировал Тухачевского во время визита того в Париж, а затем поделился с Гейдрихом, тогдашним шефом гитлеровской разведки, оригинальным планом. Они поняли друг друга с полуслова, и немцы стали готовить компромат на высшее руководство Красной Армии. Это устраивало обе стороны. Самое интересное, что об этих планах пронюхала советская контрразведка, но... промолчала. Потому что хотела потрогать Сталина, который еще с гражданской держал зуб на Тухачевского. И тысячи красных командиров пали жертвами сталинской «охоты на ведьм». Хорош был агент НКВД Скоблин!

Вне всякого сомнения, Скоблин участвовал в похищении Кутепова. На календаре генерала за день до события осталась запись: «Свидание с СК». Она сохранилась. Однако суд части из трех генералов РОВС все же оправдал тогда Скоблина за неимением улик. Буквально по тому же сценарию свершилось похищение Миллера. Он также оставил письмо, в котором сообщал о предстоящей конспиративной встрече со Скоблиным. Тут уж запахло керосином, и Скоблин сбежал по тайным чекистским каналам, оставив Плевицкую расхлебывать заваренную им кашу. Процесс над ней продолжался 14 месяцев и собрал толпы репортеров со всего света. Эмиграция сразу объявила ее виновной, хотя Плевицкая полностью отрицала свою вину. И, несмотря на полное отсутствие улик, суд приговорил артистку к 20 годам каторги. Она скончалась в 1940 году в тюрьме Пти-Рокет в Париже. А Скоблин? Есть сведения, что его забросили в Испанию, где он погиб «при невыясненных обстоятельствах» в 1938 году. Там шла гражданская война.

Феликс ЗИНЬКО

Похищения из Европы

Была ли агентом НКВД Надежда Плевицкая?

ра поляка Эдмунда Плевицкого, получив такую звонкую фамилию, что ей уже не надо было сочинять себе сценический псевдоним. Началась нелегкая артистическая жизнь. Бесчисленные переезды из города в город, в городе — бедность и пение, пе-

ние, пение — единственное, что как-то примиряло ее с такой жизнью. Потом пошли рестораны и кафе-шантаны.

В 1909 году на Нижегородской ярмарке Плевицкая пела в ресторане Наумова. Там ее услышал Леонид Собинов. Восхитившись голосом и необыкновенной искренностью певицы, он заставил ее выступить в Городском театре в благотворительном концерте вместе с собой и Николаем Фигнером, известным певцом, братом революционерки. Здесь же, на ярмарке Собинов представил Плевицкую Шаляпину. Сохранилась фотография с надписью его рукой: «Моему родному Жаворонку — Надежде Васильевне Плевицкой — сердечно любящий ее Федор Шаляпин». Великие певцы оценили в ней редкое сочетание драматического дарования с вокальной искренностью, игры — с пением. И они вели Плевицкую на сольную эстраду.

На 1909—1917 годы пришелся пик ее популярности. В Москве она выступала на одной сцене с Качаловым, Кшесинской, оркестром